

ЛОВЦЫ ДУШ

Ибо между народом Моим находятся нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей.

Книга пророка Иеремии 5:26

— **С**нял одежды, влез на стол, насрал Светлейшему Государю на поднос с фруктами и пожелал приятного аппетита, — произнес Риттер, будто всего лишь сообщал, что вчера была чудесная погода.

Я молча уставился на него.

— Вы пьяны, — решил наконец.

— В-верно. — Риттер поднялся с лавки, с трудом сохраняя равновесие. — Признаюсь искренне — пьян! Но примите во внимание: нелегко оставаться трезвым, если пьешь третий день!

— То есть вы эту историю придумали?

— Я пил, — гордо сказал Риттер. — Пью, — он ткнул в кубок. — И буду пить, — пообещал с еще большей гордостью. — Но это — святейшая правда. Помяните мое слово, завтра весь город станет об этом судачить. Обвинят его в оскорбительном преступлении величества.

— Преступном оскорблении величества, — поправил я. — Весьма остроумно, приняв во внимание, что преступление сие имеет место, если величе-

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

ство решит, что оно оскорблено. Проще простого. Но в этом случае наказание и вправду...

— А я о чем! — мой товарищ рассмеялся, тряся козлиной бородкой. Осушил кубок до дна. Громко рыгнул. — У императора как раз гостили послы польского короля. Представляете?

Я и раньше немало слышал о поляках, а также о том, сколь большое значение они придают правилам этикета и иерархии во время официальных приемов. И если бы они сочли, что некто отнесся к ним снисходительно или унижил их достоинство, — могли сделаться чрезвычайно неприятными. Ибо кто, как не король Владислав, приказал четвертовать пять тысяч жителей Гданьска, которые слишком поздно уразумели, что, если не впустить в городские ворота польскую армию, она может воспринять это как неуважение? Поэтому я не думаю, что конфуз, случившийся на глазах у польских послов, повисил престиж Светлейшего Государя.

— Или император снимет его с должности и поместит под стражу, — сказал я, — или мы можем забыть о договоре.

— Канцлера? — Риттер широко распахнул глаза. — Вы же не думаете...

— И так плохо, и эдак — не слава богу, — покачал я головой. — Если император его простит, поляки посчитают, что владыка — слабый человек без чести, и вернутся к своему королю с донесением, составленным именно в таком духе. А вы ведь знаете, как мы в них нуждаемся.

ЛОВЦЫ ДУШ

— Королевство трех морей... — рыгнул Риттер.

— Да бес с ними, с теми морями. Важнее, что у поляков есть армия, которая хочешь не хочешь, а стоит на страже наших восточных границ. Но, если император велит наказать канцлера, будут проблемы с Теттельбахом, Фалькенгаузенем, Нойбахером и бог знает с кем еще... Даже домашний арест и принудительная докторская опека канцлера могут показаться им неприемлемыми.

— Я его не понимаю, — покачал головой Риттер. — И это меня сильно злит!

— Канцлера или Светлейшего Государя?

— Естественно, канцлера, — пожал он плечами, будто дивясь моей несообразительности.

— И отчего же?

Он вылил в кубок остатки вина из кувшина и с печалью заглянул в опустевший сосуд. Вдохнул. Внезапно позади кто-то раскричался, и мы, оглянувшись, увидели крупную тетку с мясистым красным лицом и встрепанными волосами. Она тащила за ухо доброго господина, напоминавшего перепуганную крыску. Собственно, женщина и надрывалась, зывая ко всем силам небесным и адовым, чтобы прибрали от нее «этого пьяницу, которого и законным супругом назвать-то — позор».

— С ноги ее, с ноги! — оживился на миг Риттер, но, видя вытаращенные от страха глаза мужчины, только вдохнул. Опять повернулся ко мне: — Как поэт, драматург и писатель, я обязан понимать тайны человеческой души и законы, людьми управля-

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

ющие. Ведь вы и сами знаете: чтобы описать природу, сперва необходимо познать механизмы, ею управляющие. Но в этом случае с канцлером... — он покачал головой. — Здесь я совершенно бессилен.

— Как и всякий, кто окажется пред лицом безумия, — утешил его я.

— Слава богу, что я пока в силах распознать хотя бы звуки струн, движущих сердцем женщины, — сказал он невпопад и снова заглянул в кувшин, тщетно надеясь, что его содержимое чудесным образом обновилось. — Не угостите ль меня еще, господин Маддердин?

— Угощу, — вздохнул я. — Ибо что же с вами поделаешь.

Он искренне рассмеялся.

— Всегда знал, что вы добрый человек, — сказал, склоняясь ко мне. — Только с женщинами как-то у вас не складывается... — добавил.

— Такова уж моя судьба, — ответил я спокойно. — Зато радуюсь, что у вас подобного счастья — за нас двоих.

— Это верно, это правда, — подтвердил он безо всякой ложной скромности и потряс указательным пальцем. — Если б вы знали, сколь полезно быть человеком искусства, осиянным славой и уважением...

— Это, стало быть, вы о себе? — прервал я его.

— Вот здесь вы угадали, — рассмеялся он снова, не ощутив иронии в моем голосе. — Сияние

ЛОВЦЫ ДУШ

моей славы влечет женщин, словно огонек свечи — ночных бабочек. — Он снова проверил пустой кувшин. — Вы собирались заказать еще, — сказал обвиняющим тоном.

Я встал и махнул корчмарю.

— Еще раз того же самого, — приказал, а тот усмехнулся, показывая гнилые зубы.

Я же вернулся к Риттеру, который выбивал пальцами по столу нервную дробь.

— Уж как начну — перестать не в силах, — буркнул он недовольно и покачал головой. — Что ж поделать, коли талант требует, дабы его подстегивали спасительной влагой.

— И много ль вы написали в последнее время, так вот подстегнутые? — спросил я саркастично.

— Пока мне хватает и простого полета творческой мысли, — ответил он высокомерно, глядя куда-то вверх, словно желал узреть на прогнившем, закопченном потолке корчмы музу. — Но поверьте, вскоре я соберу богатый урожай от посеянных зерен моего таланта... И тогда знайте, — снова воздел палец, — что я не забуду о вас.

— Сердечно благодарю, — пробормотал я.

— Да-да, никто не скажет, что Хайнц Риттер забывает о друзьях. Представьте, какое я обрету влияние, став императорским драматургом! А сколько женщин... — задумался он, усмехаясь сам себе.

— Я-то полагал, что вам любовных приключений хватает.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Женщин никогда не бывает много, господин Маддердин, — ответил он поучающе. — Такова уж наша мужская природа, коя требует от нас ронять семя в плодотворные лона. Ибо — вот одаряете вы своей любовью светловолосую молодку с красивой попкой и маленькими грудками, но едва ли не в тот же момент мечтаете, как бы провести сладкую минутку со зрелой брюнеточкой, ноги у которой — словно колонны греческие, а грудь — будто штормовое море.

— То есть с брызгами пены на них? — спросил я невинно.

— Ничего вы не смыслите в искусстве, — он нахмурился, поняв, что я над ним подшучиваю. — Метафоры и сравнения суть средства языка искусства, автор же отпускает поводья фантазии, чтобы у читателя либо слушателя перед глазами отчетливо предстал образ, возникший в богатом воображении творца.

Я мог подтрунивать над Риттером, однако он был прав. Наиболее прекрасна та суша, что лишь готова возникнуть перед кораблем на горизонте, а цветы лучше пахнут в саду соседа. Повздохавши над недостатками человеческой природы, я подумал: какое счастье, что сие касается простых людей, а не слуг Господних.

Корчмарь выглянул из-за занавеса и поставил перед нами кувшин с вином.

— Может, похлебочки? — предложил радушно. — Только-только сварили: нежнейшее мяско,

ЛОВЦЫ ДУШ

подливочка, соусик. А к ней могу подать свежеевыпеченный хлебчик... Желают господа?

Я поглядел на него, не отозвавшись ни единым словом, и усмешка на толстощеком лице корчмаря медленно угасла.

— Тогда не стану вам мешать, — прошептал он и исчез за занавесом.

— А я бы что-нибудь все-таки съел... — пробормотал Риттер, наливая вино в бокалы. Рука его слегка дрожала, но он не пролил ни капли.

— *Станем есть и пить, ибо завтра умрем*¹, — произнес я ироничным тоном.

— *Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем*², — поэт был настолько при памяти, что ответил мне цитатой из Писания и, радуясь, что остроумный ответ ему удался, хлопнул себя по коленям.

Я пригубил из кубка, оценивая напиток. Вино, для своей цены, было недурственным, но быстро ударяло в голову.

По крайней мере — ударяло Риттеру, поскольку мне потребовалось бы несколько больше сего напитка, чтобы изгнать мрачные мысли, в последнее время лишь изредка меня покидавшие.

— Может, споем? — предложил Риттер, хотя язык его уже слегка заплетался. — Знаю одну провансальскую песенку...

¹ 1-е Кор. 15:32.

² Матф. 6:34.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Нет, — сказал я решительно. — Я слишком трезв для провансальской песенки.

Риттер беспокойно заерзал на стуле — и тот опасно скрипнул.

— А может, нам стоит пройтись по городу? — огладил он козлиную бородку.

— Хайнц, ты знаешь, сколько стоит в Аквизгране¹ хорошая шляха? — спросил я, поскольку догадывался, что у него на уме. — Цена их услуг — обратно пропорциональна состоянию моего кошелька, — добавил я.

Минуту он пытался переварить мои слова, кусая губу.

— Ну, мы могли б и поторговаться... — пожал он плечами. — А-а, вы в том смысле, что вообще нет денег?

— Гений, — подтвердил я в деланом восторге. — Истинный гений! Как вы это поняли?

— Вы как-то поосторожней бы с тратами, — сказал он, ткнув в меня указательным пальцем. — Со всем почтением, господин Маддердин, что-то денежки у вас не задерживаются... Вам надо бы доверить мне попечительство над общей кассой.

— Общей? Ха, не премину воспользоваться в будущем столь прекрасным советом, — сказал

¹ Римское название (Aquisgranum) Ахена — в нашей реальности города коронации франкских королей, а потом и императоров Священной Римской империи германской нации.

я кисло, поскольку Риттер начинал действовать мне на нервы.

Ведь такая уж была это общая касса, что я в нее вкладывал, а он — вынимал. И терпел я это лишь по одной причине. Знал, что, будь у Хайнца деньги, тот не стал бы прятать их в кошелек, а пригласил бы вашего нижайшего слугу на пьянку, не забыв и о других развлечениях. Такова уж была его щедрая натура, хотя, увы, с одной не совместна была состоятельность.

Драматург снова разлил вино по кубкам. Что ж, пили мы быстро. И я чем дальше, тем больше сердился, что выпитое совершенно на меня не действует.

— А хотите, спою вам песенку о княжне Инде, которая давала всем окрестным пастухам?

— И что же она им давала? — спросил я без интереса.

— Наилучшее из того, чем обладала, — засмеялся Риттер, поперхнулся вином и долго кашлял. Я не стал хлопать его по спине. — Плохо пошло, — прохрипел он наконец и отер мокрый рот. — Ну так что? — спросил через миг уже веселее, хотя продолжал легонько покашливать. — Об Инде? Вы быстро выучитесь припеву...

— Гвозди и терние! Откуда ж у меня столько терпения?! — рявкнул я.

— Как там бишь? — Казалось, Риттер не обращал на меня внимания. — *А плоть была как снег бела, под палкой — трепетала,* — завел он козлиным голоском.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Если это провансальская песенка, то я — польский воевода, — сказал я ему.

— Ну, эта-то — моя, — пробормотал он и принялся пальцами отбивать по столу ритм, одновременно что-то бормоча себе под нос.

— Верно-верно, — фыркнул я. — Поэтому — лучше пишите драмы, — я махнул рукою. — Все равно вам не сравняться с Педро...

— Педро Златоуст? — спросил он, поднимая взгляд. — Знаете его?

— Знаю, — ответил я, поскольку некогда у прославленного барда был передо мной долг чести, который он сумел с избытком оплатить.

— Он здесь, — сказал Риттер, и прозвучало это как «онздсссь». Похоже, поэт был пьян серьезней, нежели я думал. — Делает карьеру... рифмоплета... — добавил со злой насмешкой.

— Вашими устами говорит зависть...

— Какое там, — взмахнул он рукою столь широко, что я едва успел уберечь кубок перед тем, как Риттер его опрокинул. — Знаете, что он потерял глаз?

— Да вы что! — удивился я. — Бандиты? Дуэль?

— Какое там, — повторил Риттер. — Конкуренция, не бандиты.

— Конкуренция?

— Рита. Златовласая. Это о чем-то вам говорит? Говорило. И многое. Но пока что я не был намерен сообщать это Риттеру.

— И? — спросил я.

ЛОВЦЫ ДУШ

— Выцарапала ему глаза... глаз, в смысле. Один. Ибо он написал о ней балладу, где назвал ее Ритка-Вислогрудка. И теперь все ее только так и называют, а когда приезжала выступать — смеялись ей прямо в лицо. Ах, господин Маддердин, женщины весьма чувственны относительно своих достоинств...

Я обрадовался, услышав, что у моей давней интриги оказались столь далеко идущие последствия, хотя и пожалел слегка Педро Златоуста, потерявшего глаз из-за достойной сожаления вспыльчивости Риты.

Что ж, его никто ни к чему не принуждал, а за творческую свободу порой приходится, как видно, платить немалую цену.

— За Педро, — поднял я кубок. — Чтобы ему оставшийся глаз послужил как два!

— За Педро, — подхватил Ритгер, стукнув своим кубком о мой. Хорошо еще, что я слегка отодвинул руку, поскольку в противном случае он бы наверняка расплескал обе порции.

* * *

Приглашение во дворец, где пребывало польское посольство, искренне меня удивило. О моем приезде в столицу не знало даже здешнее отделение Святого Официума, хотя правила вежества обязывали, чтобы служащий, даже прибыв не по делам, доложил старшему Инквизиториума, которым здесь бог весть с каких времен оставался Лукас Айхендорфф.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

Я же не выполнил даже этой формальности, поэтому не мог понять, откуда польский посол — воевода Анджей Заремба — узнал о прибытии вашего нижайшего слуги в Аквизгран. Ну и мне еще было небезынтересно, чего же он от меня хотел...

Дом, занимаемый поляками, стоял неподалеку от собора Иисуса Триумфатора, посреди большого красивого сада. Был это трехэтажный дворец с купольной башней, к дверям которого вели широкие мраморные ступени с белыми колоннами. Страже у ворот я показал письмо с печатью, и слуга тотчас провел меня в комнаты, где и ожидал посол.

Воевода оказался крупным, пузатым мужчиной с длинными седыми усищами и венчиком таких же седых волос на голове. Были у него смеющиеся голубые глаза да мясистые губы обжоры и сластолюбца. Походил он скорее на богатого блажного купца или на честного горожанина. Из того, однако, что я знал, — не был он ни блажным, ни честным. Зато был неправдоподобно богат. Польское посольство проехало по улицам нашей столицы на сорока скакунах благородных кровей, каждый из которых был подкован золотом. И поляки не обращали внимания, если кони теряли подковы. Понятно, к небольшой радости черни. В образовавшейся свалке, которую устроили наши горожане, нескольких даже задавили.

— Ваша милость, — я склонился ровно настолько, чтобы поклон мой можно было счесть проявлением уважения, но не признаком покорности.

ЛОВЦЫ ДУШ

— Садитесь, ну, садитесь же, мастер инквизитор, — сказал Заремба на латыни. — Как говорится, гость в дом — Бог в дом. — Жестом он приказал слуге, чтобы тот прислужил мне с едой и вином.

Я поблагодарил, присаживаясь в кресло, обтянутое пурпурным шелком.

— Вы слышали о произошедшем во время аудиенции, которую нам дал Светлейший Император? — спросил посол, беря быка за рога.

— Кто ж не слышал, ваша милость. Весь город...

Он покивал, нанизал на двузубую вилку огромный кусок мяса, прожевал и запил вином. Слуга без слова наполнил его бокал.

— Пейте, инквизитор, а то я не люблю хлестать винцо в одиночестве.

Я послушно взял кубок, но, прежде чем выпить, осмотрел сей драгоценный сосуд. Был тот исполнен в виде бородатого Атласа, который, будто небесный свод, удерживал на мощных плечах вместилище для вина¹. А оное, конечно, было исполнено в золоте, а на боку — выполнен был узор в виде вставшего на задние лапы льва над шлемом в короне. Герб Зарембы².

¹ Атлас — также известный как Атлант, титан, который после поражения в битве с богами-олимпийцами был приговорен Зевсом к тому, чтобы держать на своих плечах небесный свод. — *Прим. ред.*

² Реально существующий польский дворянский род, оставивший в нашей истории значительный след; многие представители рода были воеводами. — *Прим. ред.*

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

Я выпил. Причмокнул, поскольку вино и вправду было наилучшим.

Слуга тотчас доверху наполнил мне кубок.

— Странное происшествие, не находите?

— Соглашусь, ваша милость. Но уже древние лекари писали, что безумие нисходит на некоторых людей, как молния с чистого неба. Бывает результатом переутомления, обжорства, пьянства, жизненных трагедий... Таится, будто змея, бесшумное, невидимое, чтобы внезапно атаковать и ужалить, когда не ждешь.

— Может, и так. — Он выпил снова, запрокидывая голову. Щеки его слегка разругались. — Пейте же, пейте, — поторопил он меня.

Как видно, воевода был человеком, не чурающимся питейных утех, а поскольку вино из его запасов было самого высшего качества, я мог лишь радоваться, что он не имеет обыкновения экономить на гостях.

— Я слышал о вас, — сказал воевода словно бы не в тему. — Мне доносили, что вы — друг друзей. — Я почувствовал на себе испытывающий взгляд голубых глаз.

— Стараюсь помогать ближним, когда они в нужде, — ответил я.

— И это правильно, — кивнул поляк. — И теперь — не поможете ли мне?

Не скажу, что я не ожидал такого поворота дел, но столь быстрое подтверждение моих подозрений немало меня обеспокоило.

ЛОВЦЫ ДУШ

— Я верный слуга Светлейшего Императора, — произнес я осмотрительно.

— И это правильно, — повторил воевода. — И вашу верность никто не попытается испытывать. Всякий подданный должен хранить верность своему сюзерену, поскольку мир устроен именно так, а не иначе. За здоровье императора! — поднял он бокал. — Послушайте, инквизитор, — продолжил он, когда мы выпили тост. — Знаю, вы человек умелый в выявлении всякой мерзости, которую Сатана в злобе своей насылает на Божий народ. Именно это мне от вас и нужно.

Я понял, конечно, что он говорит о раскрытии тайн, а не о насылании мерзости, и мысленно улыбнулся. Но — только мысленно, поскольку воевода не казался человеком, который утешился бы, когда б на ошибки ему указывал некто из низшего сословия.

— Ваша милость, если у вас есть подозрения о преступлениях, связанных с чародейством либо ересью, то вам, полагаю, следовало бы официально известить Инквизиториум...

Он ударил кулаком в стол, аж звякнули тарелки и бокалы, а я замолчал на полуслове.

— Сто золотых дублонов, — заявил он. — За твое время, беспокойство и умения. И еще три сотни, коли ты найдешь нечто, за что стоило бы заплатить.

Он глянул на мой полный (снова!) до краев кубок.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Что же это вы? Поклялись придерживаться умеренности?

— С полной уверенностью — нет, ваша милость, — ответил я. — И покорно прошу, чтобы мне позволили поднять тост за здоровье знаменитого короля Владислава.

— Позволяю. — Воевода опорожнил кубок между слогами «поз» и «воляю», да к тому же так быстро, что я почти не услышал паузы.

— Это королевский гонорар, — вернулся я к разговору, а поскольку я и вправду был удивлен размером предложенной платы, то слова мои прозвучали куда как искренне. Воевода усмехнулся. — Но я все еще не понимаю, за какие услуги я мог бы его получить.

— В последнее время в окружении твоего властителя то и дело случаются странности, инквизитор. Убийство жены, похищение инсигний, напасти самого императора, а теперь это...

— Пойдите-ка...

— Не удивляйся, что ты не слышал об этом, — пожал он плечами. — И все же, поверь: канцлер — уже четвертый человек при дворе, с которым приключился странный... — он сделал паузу, — ...несчастный случай. Предыдущие трое были отосланы в родные имения и переданы под опеку медиков, поскольку состояние их разума вызывало и, насколько мне известно, продолжает вызывать опасения... Я люблю поиграть в кости, инквизитор, — добавил он, помолчав. — Но когда у кого-то

четыре раза выпадает шестерка, я чувствую желание проверить, не подложные ли они.

— Если ваша милость позволит... Кто эти три предыдущие персоны, чье поведение оказалось столь странным? И что общего с этим всем имеет смерть императрицы?

Не было ничего удивительного, что он знал куда больше моего. Лишь идиот мог полагать, что поляки не держат шпионов при императорском дворе. А Заремба был одним из наиболее доверенных советников польского короля. Наверняка рапорты агентов попадали именно к нему.

— Вы слышали, что она умерла во время родов, верно? — спросил он и рассмеялся. — Ну, пейте, пейте, а то, похоже, вы меня не догоните... Увы, похоже, что тщетно искать в вас Дионисов дух!

Обращаться к языческим верованиям у нас не слишком-то принято, но какой толк говорить об этом Зарембе? Я слышал, что во время предыдущего визита к императорскому двору, пьяный в лёжку воевода подошел к камергеру и спросил: «Скажи-ка, добрый человек, где здесь я могу высрать?» — «Вы, господин воевода? Да везде!» — ответил камергер вежливо и согласно с истиной. Ибо Зарембе и вправду было позволено в сто раз больше, чем обычному едоку хлеба. Потому, прикажи он мне при каждом тосте окроплять землю в честь Бахуса, я бы и тогда не стал протестовать.

— Покорнейше прошу о прощении, вельможный воевода, — сказал я, схватив кубок.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

Мы снова выпили до дна, и снова слуга наполнил чашу до краев.

— А он... — я показал глазами на слугу.

— Не опасайтесь. Он нем и глух, и не из-за физического дефекта, но по собственной воле.

— Не понимаю...

— Никогда не упомянет ни словечка из тех, что будут здесь произнесены, поскольку нас единит пролитая кровь, — пояснил Заремба. — Он отдал бы за меня жизнь — как и я за него.

— Но, господин, разница вашего положения... — осмелился произнести я.

— Разница положения, — фыркнул он презрительно и взглянул на мой полный кубок. Поднял свой. — Снова желаете оскорбить меня трезвостью?

— Никогда бы не посмел!

Мы выпили.

— Для нас важны кровь и честь, — пояснил воевода. — А на поле битвы мы все равны, ибо во всех нас течет одинаковая кровь, и всякий из нас страдает так же, как и любой другой.

Воевода Заремба, похоже, был романтиком-идеалистом. А поскольку именно в этом романтическом идеализме наши натуры были сходны, то я выпил с воеводой — и снова с чрезвычайной искренностью.

— Только что я могу, ваша милость воевода? Скажу откровенно: я не знаю Аквизграна, а приехал сюда, воспользовавшись кратким отдыхом, что да-

ровал мне Его Преосвященство епископ Хез-хезрона. Хуже того, у меня здесь нет информаторов, да и, можно сказать, я никого здесь не знаю. В Хезе я бы постарался вам услужить, но здесь... — я развел руками, — простите.

Он какое-то время глядел на меня из-под нахмуренных бровей, а потом усмехнулся.

— Вы честный человек, — сказал. — И я рад, что не ошибся относительно вас.

Я задумался, кто же передал поляку информацию обо мне, но спрашивать не собирался — да и не думал, что он ответит.

— Да-а, — протянул он, потирая крупный нос. — Но я все это понимаю, инквизитор, и пригласил вас не для того, чтобы вы мне вежливо отказали. Я слышал о некоем человеке, который сможет нам пригодиться. И вам он известен еще со времен обучения в Академии.

— В Академии Инквизиториума? И кто же он, буде позволено мне спросить?

— Франц Лютхофф, — пояснил воевода.

Я задумался. Не обладая гениальной памятью моего приятеля Курноса, я не мог вспомнить это имя из прошлого. Похоже, сей Франц Лютхофф не отметился в моей жизни ни добром, ни злом — раз уж никак не остался в моей памяти.

— Не могу припомнить, — пробормотал я, но уже через миг хлопнул себя по колену, поскольку что-то вдруг забрезжило в памяти. — Хотя, погодите, он, случаем, не такой рыжий, с веснушками?

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— О! — воевода воздел палец. — Теплее, теплее. Ну, выпьем же, а то вино выдохнется.

Тут любая причина хороша, потому — мы снова выпили до дна.

— Сей Лютхофф почти год назад проводил одно расследование, протоколы которого были уничтожены. А я, инквизитор, хотел бы знать, что там, в тех протоколах, было написано.

Уничтожение документов было преступлением. Такого в Инквизиториуме не практиковали, и о таких случаях мне слышать не доводилось. Конечно, некоторые расследования оставались тайными, а обвиняемые передавались высшим инстанциям вместе со всеми бумагами, что касались их судьбы. Я и сказал об этом Зарембе.

— Знаю, — кивнул он. — Однако у меня есть причина полагать, что в этом случае поступили несколько иначе, нарушив закон, коим вы руководствуетесь.

— Осмелюсь спросить, ваша милость воевода, отчего бы вам не обратиться к самому Лютхоффу?

— Лютхофф вот уже несколько месяцев лежит в лазарете аквизгранского Инквизиториума. И, полагаю, протянет он недолго. Вы же можете к нему попасть, если попросите принять вас здешних инквизиторов.

Конечно же, я мог так поступить. По крайней мере, получил бы тогда дармовой ночлег и пищу, что при моем финансовом положении было вполне разумным. И конечно, я мог заболеть, попасть в ла-

ЛОВЦЫ ДУШ

зарет и там по душам поговорить с Лютхоффом — как один страждущий человек с другим страждущим человеком.

— А не соблаговолит ли ваша милость воевода открыть мне, о чем — хотя бы в общих чертах — шла речь на следствии? Или хотя бы — кого допрашивали?

— Съешьте-ка что-нибудь, инквизитор, а то, глядишь, сопьетесь... — Заремба положил в мою тарелку немаленький кусок жаркого, и жест этот наверняка должен был свидетельствовать о его добрых намерениях.

Тарелки были серебряными. Внутри же их был выгравирован герб Зарембы, а обод — покрыт сценнами из Крестного Пути.

— Нижайше благодарю вашу милость.

Я попробовал — и словно вкусил мечту. Жаркое было превосходно. Хрустящее, душистое, отлично приправленное. А соус? Чтобы описать вкус этого соуса, следовало бы оказаться поэтом!

— Ваш повар, ваша милость воевода... — я даже не договорил. — У меня и слов нет, чтобы описать его талант.

Полагаю, он поверил, что я не лъщу, поскольку я и сам услышал в собственном голосе искреннее восхищение. Воевода и сам попробовал жаркое.

— Неплохо, неплохо, — причмокнул он. — Уж такой я есть, — добавил без ложной скромности. — Ни в одной стране нет столь доблестных рыцарей, столь пышных женщин и столь прекрасных поваров.

Но к делу... Допрашивали они некоего чародея, — пояснил он, возвращаясь к моему вопросу. — Известного под именем доктора Магнуса из Падуи.

— Никогда не слышал, — ответил я, проглотив жаркое. — Но среди этой босоты всякий второй велит называть себя Магнусом¹.

Он покивал, соглашаясь.

— Этот долгие годы был монахом, потом бежал из монастыря и бродил по всей Европе. Знаю, что на него даже выписывали розыскные листы, поскольку подозревали в делах, противоречащих нашей святой вере. Но ему удалось избежать как петли, так и вашей опеки, — подмигнул он мне. — Потом он на несколько лет исчез. А затем вдруг объявился в Аквизгроне, где ваш удачливый коллега случайно схватил его и арестовал.

— И что случилось потом? — позволил я себе спросить, поскольку Заремба замолчал и отчетливо ожидал от меня этого вопроса.

— Его допрашивали. Пытали. И он умер.

Я присвистнул. Смерть подозреваемого во время следствия — поразительный непрофессионализм. Правда, такое как-то произошло и со мною, однако я осмеливался полагать, что случилось так не по моей вине, поскольку я и дотронуться не успел до

¹ В нашей реальности был как минимум один повсеместно известный Магнус из Падуи: наставник Фомы Аквинского Альберт Великий (т.е., собственно, Magnus на латыни), кроме прочего — прославленный астролог и алхимик.

обвиняемого — а тот уже выкатил глаза, побагровел и помер. А я только и успел, что пояснить ему принципы действия пилы для костей, поскольку показ орудий был обычным началом любого квалифицированного допроса.

— Бумаги уничтожили, — добавил Заремба, но это-то я уже слышал.

— Со всем уважением, ваша милость воевода, но мне придется отказаться, — сказал я с искренним сожалением, поскольку сто золотых дублонов крепко бы мнегодились.

Заремба взглянул на меня без злости — просто с удивлением. Похоже, ему редко приходилось слышать отказы.

— И снова у вас полный кубок, — произнес он обвиняющим тоном. — Бойтесь, что я подсыпал вам яд? А может, вино вам не по вкусу?

— Оно прекрасно, ваша милость, насколько может сие оценить человек со вкусом столь убогим, как мой, — ответил я ему, и мы снова выпили до дна. Слуга почти тотчас долил в кубок.

— Отчего же вы хотите отказать мне в услуге? — Заремба взглянул на меня с интересом.

— Содержание допросов, проводимых Святым Официумом, может быть раскрыто лишь по специальному согласию главы местного отделения Инквизиториума. По некоторым же делам требуется прямой приказ Его Преосвященства. Я не могу нарушить закон, который поклялся выполнять, — пояснил я ему.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

Заремба пристально глядел на меня, постукивая перстнями о край стола.

— Давайте заключим договор, — сказал наконец. — Вы разузнаете о деле и потом сами решите, хотите ли поделиться со мной найденной информацией. Сто дублонов будут вашими в любом случае.

Заремба, похоже, был не только щедрым человеком. Был он еще и человеком, пробуждавшим симпатию и уважение. Более всего пришлось мне по вкусу, что он не намеревался подкупать мою совесть и склонять взяткой к нарушению предписаний Официума. Но решение его означало и еще кое-что: воеводе нужно не столько разузнать, в чем, собственно, суть дела, сколько добиться, чтобы оно оказалось решено. Конечно, если это дело вообще существовало.

И я не сомневался, что сам я — лишь один из инструментов, к которым он намеревался прибегнуть. Наверняка он использовал и своих агентов при императорском дворе, пусть даже те до сего дня ничего не сумели добиться.

— Это более чем щедрое предложение, — признался я. — Сделаю все, что в моих силах, ваша милость.

Воевода кивнул, словно ничего другого от меня и не ожидая.

— Но могу ли я задать несколько вопросов?

— Спрашивайте.

— Откуда ваша милость знает об уничтожении протоколов? Кто осмелился отдать подобный при-

каз? Что установило расследование? И наконец — кто присутствовал с Лютхоффом во время допросов? Поскольку должны были находиться там как минимум писарь и палач.

— Оба мертвы. Писарь попал под телегу, палач погиб в драке за городом. Злая фортуна, верно, инквизитор?

— А Лютхофф умирает в лазарете... И вправду весьма злая фортуна, ваша милость.

— Я не знаю, кто дал приказ уничтожить документы. А на ваш взгляд, кто мог это сделать?

— Никто, ваша милость воевода! Даже канцелярия епископа не имеет на это права. Кто-то должен был нарушить правила. Но за такое сурово карают.

— Кто мог потребовать от инквизиторов выдачи документов?

— Папа или епископ. Более никто.

— Но мы оба знаем, что есть и еще некто, — он словно подчеркнул два последних слова. — Но говорить об этом мы не станем, ибо, насколько я знаю, дело не в монастыре Амшилас, и не во Внутреннем Круге.

— Каком круге? — я широко раскрыл глаза, надеясь, что мое удивление сойдет за искреннее: я не намеревался обсуждать с посланником чужой державы столь тонкие вопросы.

— Документы затребовали посланники папы. Оригиналы и копии, — Заремба усмехнулся в усы, игнорируя мой вопрос.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— А знает ли ваша милость, кто был тем посланником?

— Брат альмосунартий Маурицио Сфорца.

— Кто?!

— Вы знаете этого человека?

Конечно же, я знал. И был рад узнать, что не обо всем в моей жизни известно польскому аристократу.

— Да, — кивнул я. — Осмелился бы сказать, что он — исключительная каналья, вот только боюсь ранить ваш слух подобными словами, ваша милость воевода.

— Слыхал я слова и похуже, — Заремба снова усмехнулся.

— Он все еще парализован?

— А как же. Двое людей носят его в специально приспособленном кресле. И — может, знаете, что означают литеры «ГЛ», вырезанные на его щеках?

— Происходят от имени Гаспара Лувайна, именуемого Веселым Палачом из Тианнона. Веселый Палач украсил его так однажды ночью, после чего погиб, — пояснил я.

— Вы много об этом знаете...

— Я был тогда в Штольпене и вместе со Сфорцой проводил некое расследование. Он хотел отдать меня под папский суд.

Заремба протяжно присвистнул.

— Так между вами и братом-милостынником — отнюдь не любовь, а? А вы знали, что он здесь? В Аквизгрানে?

Я не знал, и информация эта не улучшила мое настроение.

— Он нынче важная птица, — добавил воевода, что еще меньше пришлось мне по вкусу. Подумать только, я ведь однажды мог совершенно безнаказанно убить Сфорцу! И теперь жалел о своей кротости. — Однако вернемся к интересующим нас вещам, вот только сперва давайте выпьем, поскольку язык мой иссох, — на этот раз Заремба сам разлил вино в кубки, ибо слуга уже некоторое время как исчез за дверь. — Так, о чем это мы... — начал он, опрокинув напиток в глотку.

— Чего касалось следствие? — напомнил я ему.

— Черной магии. Насколько знаю.

Наверняка он знал куда больше, чем готов был сказать. Но не было никакого смысла напирать, поскольку Заремба не казался человеком, которого можно заставить сказать больше, чем он сам захочет.

— И еще одно, ваша милость: кто те три человека из окружения императора, которые, по-вашему, вели себя столь же странно, как и господин канцлер?

— Вам это ничего не даст, — пожал он плечами. — Их отослали в родовые имения, и, насколько я знаю, они живут там, укрытые от мира. Йоахим Ключе, императорский чашник, Зигфрид Хильдебрандт, медик, а также Гедеон Тахтенберг, конюший.

Эти имена ничего мне не говорили, но, тем не менее, я их запомнил. Нужно признать, что до сей поры безумие поражало людей, не занимавших важные посты, хотя, конечно же, слова «чашник» или

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

«конюший» не следовало понимать дословно, поскольку, чтобы пребывать на таком посту, нужно было обладать хорошей родословной и важными знакомствами.

— Медик, — сказал я. — Скажите, не он ли, собственно, поверял смерть Светлейшей Государыни?

— Подростостей не знаю, — ответил Заремба. — Кроме того, что именно этот медик сумел выпинать плод из ее чрева, прежде чем кто-либо успел его задержать.

Я смотрел на него так, словно воевода только что признался, будто сам он — прекрасная дама с неумными желаниями. В нашем мире, в мире неожиданных происшествий и удивительнейших поворотов судьбы, редко случается что-то, способное удивить инквизитора Его Преосвященства. Но на этот раз слово «удивление» не передавало даже толики моих чувств.

— Ваша милость, наверное...

— Нет, я не шучу и не издеваюсь, — развеял он мои сомнения. — Не думаю, чтобы смерть была хорошим поводом для шутки, — Заремба перекрестился. — Да ниспошлет Господь вечное успокоение этой несчастной женщине и ее ребенку.

Я тоже перекрестился.

— Его не покарали, не судили...

— Безумца? Который бормотал что-то невразумительное и истекал пеной, как бешеный пес?

Значит, Зарембе были известны подробности этой интереснейшей истории.

ЛОВЦЫ ДУШ

— Все скрыли. И сделали совершенно правильно. Я бы и сам поступил именно так.

Внезапно я понял, насколько велика власть этого человека. Польша была огромной страной; пусть даже в основном поросшей непролазными чащобами — но огромной. А сей человек, может, и не правил Польшей, но в управлении ее принимал немалое участие. Я же нынче имел счастье сидеть с ним за одним столом. С сеньором, который одним движением руки решал судьбы городов, людей и целых стран. Я верил, что он скрыл бы подобный скандал и, не раздумывая, устранил его свидетелей.

Также мне приходилось признать и то, что я не рад оказаться одним из поверенных в эту тайну. За рембе не требовалось предупреждать меня, чтобы я никому ничего не рассказывал об этом деле. Поступи я иначе — и повел бы себя как последний дурак.

— А попытка убийства Светлейшего Государя, ваша милость?

— Тахтенберг. Вилами. В конюшне. Представляете?

Я представлял, пусть и с трудом. Я понял бы, когда бы дворянин пытался убить императора кинжалом, мечом, в худшем случае — с помощью яда. Но вилами? Словно простец?

— В такое верится с трудом... — только и вымолвил я.

— Верно, с трудом. Однако вы сами сказали, что безумие нисходит на некоторых людей, будто гром среди ясного неба.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Но — вилами?!

— Слава богу, он не попал, — сказал Заремба.

— Были ли свидетели этих происшествий, ваша милость?

— Были. И это — прекрасное слово. Были. Нет-нет, — он заметил мой взгляд и взмахнул рукою. — Их не убили, если вы это имеете в виду. Второго лекаря отослали с посольством в Абиссинию, а конюшего посадили в тюрьму.

— С посольством Марка Кесслинга? — спросил я. — Как по мне, лучше бы убили.

Воевода рассмеялся.

— Из ваших слов я делаю вывод, что вы не верите, будто Кесслинг когда-либо вернется.

Он был прав. Марк Кесслинг отправился в путь, чтобы через Египет попасть в Абиссинию и проверить, верны ли слухи о могучем христианском короле, который якобы владеет теми землями. Мне думалось, что шансов вернуться у него не больше, чем у мухи, посланной испытать крепость паучей сети.

— Но ведь экспедиция, которую отправили в Китай, вернулась, — сказал Заремба. — Хотя у них на это ушло три года. Из того, что знаю: в Кракове как раз печатают описание путешествия. Весьма интересное чтение. Прикажу выслать вам экземпляр, инквизитор.

— Покорнейше благодарю вашу милость. Буду весьма благодарен, — сказал я искренне и с полным убеждением, поскольку это было первое из-

дание непосредственных свидетелей, я же был снедаем любопытством, что же они обнаружили там, в Китае.

— Поэтому, может, Кесслинг еще и вернется. Так выпьем же за него, — мы подняли кубки, а Заремба встряхнулся, как мокрый пес, и усмехнулся. — Уже чувствую славный гул в голове, — произнес удовлетворенно. — Но к делу, к делу. Хотите знать что-либо еще?

Вино воеводы было крепким и сильным. Ударяло в голову, и, скажу честно, я чувствовал уже кое-что большее, чем невинный гул. Правда, Господь благословил меня сильной сопротивляемостью к последствиям опьянения, но я надеялся, что Зарембу ожидают более значимые дела государственной важности и что он не собирается продолжать наш разговор до того момента, когда его или меня придется выносить из комнаты.

— Услышанного мною пока что хватит, ваша милость. Безотлагательно возьмусь за дело.

— Хорошо, — кивнул он. — Мне нравится ваше настроение. Ну, тогда ступайте...

Я встал, стараясь держаться прямо.

— Еще одно, — сказал он, когда я кланялся в дверях. — Я готовлю прием. В субботу, через неделю. Будете желанным гостем.

При мыслях о деликатесах, которые приготовит польский повар, у меня потекли слюнки. Однако я знал, что мне не стоит появляться во дворце Зарембы.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Простите меня, ваша милость, но я не думаю, что присутствие инквизитора...

— Польский воевода может приглашать, кого захочет. И никому до этого нет никакого дела, — оборвал он меня сердито. — А коли кому-то не понравятся мои гости, то — прочь со двора!

Мне не оставалось ничего иного, как поклониться еще раз и искренне поблагодарить за милость, воспользоваться которой я не имел никакого намерения.

* * *

Резиденция Инквизиториума в Аквизгране была настоящей крепостью. Но вовсе не потому, что инквизиторы ожидали внезапного нападения. Вид ее должен был свидетельствовать о мощи Святого Официума. А необходимость такая оставалась, поскольку именно в Аквизгране короновали императоров, посему же именно здесь находился один из дворцов Светлейшего Государя, сюда съезжались электоры¹ и дворяне со всей империи, и здесь принимали заграничные посольства; кроме того, город был славен целительными горячими источниками. Вдобавок ко всему Аквизгран был городом соборов, церковей и монастырей, так что и Святому Официуму приходилось стараться, чтобы здешняя его ре-

¹ Электоры — в нашей реальности курфюрсты, призванные для подачи голоса при выборе германского императора.

зиденция потрясала. Возведенную из красного кирпича крепость окружали мощные, в пятнадцать стоп высоты, стены, ощетинившиеся дозорными башнями. Главные здания были выстроены в форме прямоугольника, окружавшего немалое подворье. Однако я знал, что эта мощь — лишь видимость, на самом деле зияющая пустотой. Не было смысла держать здесь десятки солдат, необходимых для патрулирования стен, как и сотни слуг — поскольку в аквизгранском отделении Инквизиториума служило хорошо если с тридцать инквизиторов. А считая гостей Официума, стражников и слуг, наверняка число их не превышало сотни. Тем временем, поглядывая на эту крепость, я был уверен, что в случае необходимости она вместит и тысячу людей. А еще внутри ее не было столь привычных для прочих замков мастерских. Находились тут лишь конюшни да пекарня, служившая потребностям жителей.

Ворота стояли распахнутыми настежь, у стены — двое стражников с алебардами в руках. На обоих были кольчуги, на плечах же — черные плащи с серебряным символом сломанного распятия. Оба были высокими, плечистыми, бородатыми и хмурыми. Вид их не способствовал тому, чтобы кто-то просил у них возможности войти в Инквизиториум. Я подошел ближе, отметив, как пристально уставились на меня стражники.

— Я — Мордимер Маддердин, лицензированный инквизитор Его Преосвященства епископа Хез-хезрона. Хотел бы получить право на вход.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Приветствуем вас, мастер, — отозвался басом один из стражников. — Это великая честь для нас. Однако, согласно данному мне приказу, я должен просить вас показать бумаги.

Ну что ж, попытки выдать себя за инквизитора карались со всей возможной суровостью, но я знал, что порой встречаются безумцы, которые по глупости, из жажды наживы либо ради хвастовства притворялись функционерами Святого Официума. Но выдавать себя за инквизитора здесь, под стенами аквизгранской резиденции Инквизиториума, было бы несусветным безумием. Однако я понимал, что приказ есть приказ, поэтому вынул из-за пазухи епископские бумаги, гласившие, что все отделения Инквизиториума обязаны оказывать любую помощь Мордимеру Маддердину, лицензированному инквизитору из Хез-хезрона. Стражник взглянул на документ, внимательно осмотрел печати, после чего отошел в сторону.

— Можете войти, мастер. Приветствуем вас от всего сердца. Будьте любезны обождать минуту, пока я вызову кого-нибудь, кто вас проводит. — Он глянул на замковые постройку. — Здесь даже наши постоянные гости частенько теряются.

Вот в это я поверил.

* * *

Лукас Айхендорфф выглядел как брат-близнец стражников у ворот. Нет, поправил я себя мысленно, это они выглядели его братьями-близнецами,

поскольку подражать главному здесь, похоже, было модным. Так или иначе, руководитель аквизгранского Инквизиториума был высоким, плечистым и чернородым. Фигурой, одеждой и манерами он напоминал скорее опытного солдата, чем инквизитора. Я прежде его не встречал, но, конечно, немало о нем слышал, поскольку Айхендорфф держался на этом месте уже более десяти лет. Из того, что я знал, следовало, что обучался он в академии еще до того, как в ней появился я, а ошеломительной карьерой был обязан своему характеру, беззаветной преданности и умению отыскивать верных сторонников. А три эти черты редко можно найти в одном человеке.

Айхендорфф де-факто был вторым человеком в Инквизиториуме, сразу после Его Преосвященства епископа Хез-хезрона. Но должности эти разделяла пропасть, к тому же Лукас мог быть отозван Герсардом одним-единственным письмом. Однако я знал, что епископ слишком умен, чтобы избавляться от столь ценного сторонника, а во время приступов подагры, язвы, геморроя либо кожной сыпи он всегда мог оттянуться на своих присных либо инквизиторах Хез-хезрона и не нуждался в жертвах из самого Аквизграна.

— Любезный мастер Маддердин, — Лукас раскинул руки. — Сердечно приветствую в столице!

Этот теплый прием меня удивил, но и тронул. Даже если Айхендорфф всего лишь играл, я оценил по достоинству, что он решил изобразить для меня именно такие чувства.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Я слышал о твоих подвигах, Мордимер, — сказал он, знаком приглашая меня сесть. — И кстати, о том, что ты для всех нас сделал в Виттингене. Никогда не думал о том, чтобы перебраться в Аквизгран? Могу поручиться, что здесь ты не столкнешься со сменами настроений, какие случаются у Его Преосвященства, — рассмеялся он.

— Храни его Господь, — закончил я, довольный, что Айхендорффу известно не только мое имя, но и мои поступки. Что ж, всякий из нас, желает он того или нет, обладает грешным тщеславием — и даже ваш нижайший слуга, который считается человеком скромным и покорным.

— Верно. Пока Герсард здоров, здоровы и мы. Но все же подумай над моим предложением.

— Там я ощущаю себя на своем месте, Лукас, — ответил я. — Но я чрезвычайно тебе благодарен. Однако боюсь, что попросить о переводе — простейший способ добиться от Его Преосвященства запрета вообще покидать Хез-хезрон.

— И как вы выдерживаете? — махнул он рукой. — Последний раз я видел старика года три назад, и мне хватило часа. Ужасный ворчун. А злословен, будто козел...

Что ж, для лица, подвластного епископу, это были смелые слова, но раз уж Айхендорфф решил говорить именно так, значит, полагал, что может себе это позволить. Как видно, вдобавок он считал, что знает меня достаточно, дабы не сомневаться: я не передам Герсарду содержание нашего разгово-

ра. Более того: попробуй я так поступить, навредил бы себе самому, поскольку добавил бы Его Преосвященству проблем. А епископ, столкнувшись с проблемами, наверняка постарался бы сделать жизнь бедного Мордимера совершенно невыносимой.

— Что тебя привело к нам, Мордимер? Чем я могу тебе помочь?

— Я хотел бы, если позволишь, воспользоваться гостеприимством аквизгранского Инквизиториума.

— И только-то? Ешь, пей, живи где захочешь... — он снова махнул рукою. — Ты здесь по службе?

— Боже упаси, — ответил я искренне, поскольку приехать в Аквизгран меня уговорил Риттер, и еще утром я не знал, что стану заниматься каким-либо поручением; да и просьба польского воеводы касалась дел Инквизиториума лишь опосредованно.

— Велю приготовить тебе комнату, — сказал он. — Молитва у нас — на заутрене, едим сразу после.

Таковы были неудобства, связанные с пребыванием в резиденциях Инквизиториума. Молитва на заутрене. Боже мой, на заутрене следует спать, а не стоять коленопреклоненными на холодном полу! Да и завтрак гораздо вкуснее под утренним солнышком. Но приходилось прилаживаться к привычкам и образу жизни хозяев, если я не хотел слишком быстро стать нежеланным гостем. Конечно, никто не выгнал бы меня, но мне дали бы понять, что я не соответствую ожиданиям хозяев.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Покорнейше благодарю, Лукас.

— Ты прибыл в Аквизгран один?

— Нет. Вместе со мной путешествовал драматург Хайнц Риттер, если это имя что-то тебе говорит.

— Говорит-говорит, — рассмеялся он, будто вспомнив нечто веселое. — У нас ставили «Веселых кумушек из Хеза». Весьма забавно... Можешь пригласить и его, если хочешь. Будет обитать в крыле, предназначенном для гостей Официума.

— Покорнейше благодарю, — повторил я. — Хотя и не знаю, не презрит ли столь знаменитый человек нашу скромную жизнь.

— Ох уж эти писатели, — фыркнул он. — Только девки и вино в головах.

— Не всякий может, подобно нам, отыскать успокоение в молитвенной созерцательности, — признал я.

— Пойдем, отобедаешь с нами, — пригласил меня Айхендорфф. — Недавно мы подобрали повара со двора канцлера. И уж поверь: то, что он создает, — истинная поэзия, Мордимер.

— Канцлера, — повторил я со значением.

Он быстро на меня глянул.

— Знаешь, да? — спросил. — Конечно, знаешь. Все знают. Жаль, что меня там не было. — Он весело ударил себя по ляжкам.

— И все же это мрачная новость для Империи.

— Умным он никогда не был, — пожал плечами Айхендорфф. — Однако я не ожидал, что он безумен. Точь-в-точь как этот наш альмосунартий...

ЛОВЦЫ ДУШ

— Маурицио Сфорца, — сказал я спокойно и сдержанно, поскольку догадался, о ком речь.

— Ох, что ж за проклятая каналья! — в голове Айхендорффа чувствовалась искренняя ненависть. — Приехал сюда как посланник папских альмосунартиев.

— Достал вас, а? — спросил я сочувствующе. — Я что-то об этом слышал...

— Штольпен, — усмехнулся он. — Знаю-знаю. Тому Веселому Палачу, что так вот разукрасил брата Маурицио, я бы лично с радостью руку пожал. Но я слышал, что Сфорца хотел отправить тебя в Рим? Это правда?

— Правда, — кивнул я. — Я бы наверняка до сих пор сидел в камере Замка Ангелов. Но осмелюсь спросить: отчего ты полагаешь, что он безумен?

— Хм-м... — Айхендорфф сплел пальцы. — Я неверно выразился. Сфорца — не безумен, но охвачен идеей, которую воспринимает как свою миссию, что в нашем случае чрезвычайно близко к безумию. Однако даже при таком положении дел мы полагаем его весьма опасным человеком. Не становись у него на пути, Мордимер: здесь, в Аквизгра-не, у него сильная позиция и хватает сторонников. Удивительно, как он сумел этого достигнуть, учитывая свое отвратительное физическое самочувствие.

Мне было жаль слышать эти слова: я снова огорчился, что осмелился лишь на малую шалость, а не на убийство брата-милостынника. Ведь за паралич, который обездвижил его ниже пояса, и за вырезан-

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

ные на щеках буквы ему следовало благодарить не кого иного, как вашего нижайшего слугу. Конечно, сам он о том не знал, подозревая Веселого Палача из Тианнона, которым я благоразумно притворился. Была это моя сладкая тайна, и я не намеревался ею ни с кем делиться, особенно принимая во внимание, что Сфорца, похоже, сделался человеком еще более опасным и влиятельным, чем прежде.

— И какова же эта миссия? И какова идея?

— Ослабить нас, а может, даже заменить...

— Монахами? Священниками? — фыркнул я. — Они не найдут и коровью лепешку — даже если в нее вступят.

— Верно. Так и бывает, когда нашим делом начинают заниматься партачи. И чем дальше, тем оно хуже, Мордимер. В Аквизгране уже из-за этого быдла и шагу не ступишь. Всюду суют свои грязные носы.

— А что ж тогда говорить инквизиторам из Рима? Радуйся, что мы там не работаем.

— Римская инквизиция — мне жаль это признавать — уже почти не существует. Паписты подчинили себе почти всех наших товарищей, а тех, кого подчинить не сумели, — изгнали из города в провинцию. Худо, Мордимер. И чем ближе к Риму — тем хуже.

— Мы едва сохраняем статус-кво, — сказал я. — И постоянно в этой битве проигрываем, несмотря на крупные и малые зрелищные победы, которые совершенно ничего не значат для дела в целом.

Он глядел на меня, словно пытаюсь решить, может ли быть искренним или я всего лишь пытаюсь его разговорить.

— Святая правда, — ответил наконец. — Но скажи: а что нам остается? Обгрызают нас, как волки труп оленя. Кусок за куском, кость за костью... Мелкие уступки, легкие нарушения закона, туманные интерпретации, письма, иски, воззвания, жалобы...

— Не меч, но перо владеет миром, — пошутил я.

— Верно, — согласился он. — Но спасет нас жар истинной веры, который пылает в наших сердцах.

Я вздрогнул. Но только внутренне. Не дал понять, что слова о «жаре истинной веры» и о спасении, что грядет благодаря ему, мне знакомы — благодаря тому, что я слышал их ранее из уст членов Внутреннего Круга Инквизиториума, от людей, о существовании которых даже слышать было запрещено. Я же не только слышал о них, но и сохранил благодаря им жизнь. Был их должником. Но я не думал, что Айхендорфф принадлежит к этим людям. Хотя, возможно, он и служил им. Точно так же, как и я служил им — людям, намерений которых я не понимал, но которые были словно прекрасные цветы, пытающиеся пробиться на заглушенных терниями полях¹.

¹ Ср. Матф. 13:4: «...другие упали среди терний, и тернии, поднявшись, заглушили их».

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Будет худо, — подвел итог Айхендорфф. — Но мы ведь об этом знаем, верно?

— И насколько, как думаешь, будет худо?

— Святой Отец создаст новую институцию, которая станет конкурировать с нами, — ответил он. — Я слышал также о планах устава, гласящего, что всякий епископ сможет призывать священников своей епархии, чтобы те получили согласно его приказу полномочия инквизиторов. И тогда благородная миссия поимки чародеев и еретиков будет утеряна в спорах о компетенции.

Споры о компетенции были не столь уж страшны сами по себе, хотя, несомненно, заставляли нервничать. Хуже, что случись так, как пророчил Айхендорфф, — позиции инквизиторов сильно ослабнут, мы станем открыты ударам, наносимым отовсюду. Словно нам мало проблем с чернокнижниками, ведьмами и еретиками.

— Станем молиться, чтобы такого не произошло, — сказал я серьезно.

— Станем молиться, ибо ничего иного нам не остается, — с горечью согласился он со мной. — Нам не хватает людей, Мордимер. Не таких, как ты или я, — людей действия; нам не хватает юристов, докторов права, теологов. Рим засыпал нас письмами, жалобами, интерпретациями установлений, экспертизами, а мы порой не можем даже оспорить их, поскольку не до конца понимаем, о чем речь... Да и епископ... — он лишь махнул рукой. — Что ни пошлешь в канцелярию — будто камень в воду...

Это верно, у Его Преосвященства оставалось все меньше времени и желания на инквизиторов. Управление богатыми имениями, как и споры внутри Церкви, все больше отвлекали его внимание. Управление Инквизиториумом оставалось лишь одной из многих его обязанностей, к исполнению которой, как я мог судить, епископа тянуло все меньше. Делу не помогало и то, что он постоянно болел и крепко пил. Оттого я вздохнул и решил сменить тему разговора.

— У меня есть просьба, Лукас, и буду весьма благодарен, если ты ее выслушаешь.

— Да?

— Не слишком ли хлопотно напроститься взглянуть на личные дела Инквизиториума?

— Если не ошибаюсь, ты утверждал, что здесь — не по службе, — тон голоса его не изменился ни на йоту.

— И это святая правда, — ответил я. — Но кое-кто в Аквизгране попросил меня об услуге. И изучение дел весьма помогло бы в ее исполнении.

— На чьи же дела ты хочешь взглянуть?

Я знал, что этот вопрос раньше или позже прозвучит. Но все еще не мог определиться, как на него ответить. А поскольку молчание затягивалось, то я принял решение.

— Если посчитаешь это необходимым условием, чтобы допустить меня к делам, я назову имена. Однако искренне признаю, что не хотел бы того делать... Могу лишь заверить, что людей этих в Аквизгране нет.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Что ж... — задумчиво взглянул он на меня. — Не вижу причин для отказа. Я слышал, что ты — человек, достойный доверия.

— Я лояльный инквизитор, — ответил я ему. — А дело это не касается Инквизиториума напрямую. Будь иначе, я не преминул бы посвятить тебя во все подробности.

Он кивнул, принимая мои слова к сведению.

Понятное дело, я хотел взглянуть на дела, касавшиеся трех людей при дворе императора, которые столь неожиданно сошли с ума. Заремба, правда, утверждал, что сие не важно для задания, но я предпочитал прислушиваться к собственной интуиции. Я не сомневался, что дела тех людей находятся в Инквизиториуме, поскольку Святой Официум совершенно справедливо полагал, что немного есть вещей более важных, нежели знание о людях. Конечно, мы собирали информацию лишь о тех, кто обладал весом в обществе или мог заинтересовать инквизиторов. И я был уверен, что найду сведения о всех людях императорского двора. Конечно, мне предоставили бы доступ лишь к части дел, но я не сомневался, что информация о лекаре, конюшем и чашнике не подпадала под клаузулу секретности.

— После обеда попрошу провести тебя в тайную канцелярию, — сказал Айхендорфф. — Взглянешь, что да как. И сам убедишься, насколько хорошо там у нас все устроено.

Глава аквизгранского Инквизиториума был совершенно прав. Когда я добрался до канцелярии

и осмотрелся, то увидел, что все документы рас-
сортированы по алфавиту. Я нашел интересовавшие
меня — и, увы, разочаровался.

Там не было ничего, что могло бы пригодиться.
Ну какое мне было дело до того, что Ключе любил
развлекаться с малолетними служанками, Хильде-
брандт не пил ничего, кроме травяных отваров,
а Тахтенберг сердечно ненавидел своего брата, ко-
торый отбил у него невесту? Бумаги же были на-
полнены именно такими подробностями. О том,
что Ключе на пьяную голову заявлял, будто не сы-
скать большего сборища негодяев и воров, чем
кардинальский конклав; о том, что Хильдебрандт
решительно противился вере в благо лечения пи-
явками; о том, что Тахтенберг как-то сказал, будто
его гнедок обладает большим разумом, чем канцлер
Его Императорского Величества. Однако ничто не
указывало, чтобы этих троих связывало хоть что-
то, кроме единственного факта: все трое были вер-
ными слугами Светлейшего Государя. Также ничто
не объединяло их с канцлером, если не принимать
во внимание дурного мнения, высказанного о нем
Тахтенбергом; да и, как я знал, это было достаточно
распространенное мнение.

Словом — уж не случай ли тому причиной, что
со всеми троими приключилась болезнь головы? Ко-
нечно, я знал, что людям можно дать соответствую-
щие декокты, после которых сознание их уносится
на крыльях безумия, но зачем кому-то травить имен-
но этих троих? Я знал из дел, что они были предан-

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

ными слугами императора, так, может, некто просто хотел напасть на людей, близких к нашему владыке?

«Ближих» — повторил я мысленно, и меня осенила некая идея. Ведь и конюшого, и медика безумие охватило в тот миг, когда они были рядом со Светлейшим Государем (я не знал, правда, как оно было в случае с чашником). Я представил себе, как стою рядом с приятелем, в грудь которого внезапно втыкается стрела. В другой раз прогуливаюсь с другим приятелем — и тот также оказывается со стрелой в глотке. Стоит тогда задуматься: старается ли стрелок уничтожить близких мне людей — или попросту толком не умеет стрелять. Целью же его являюсь именно я...

Я вернул бумаги на место — и, хотя они не дали мне конкретных ответов, прочтение их навело меня на определенные мысли. Из опыта я знал, что не следует тотчас отбрасывать даже самые безумные гипотезы или идеи, поскольку к цели ведут не только широкие тракты и мощные улицы. Порою место, до которого мы жаждем добраться, находится в конце едва заметной, заросшей тропки. Поиск истины часто напоминает путь в густом лесу, где выживает лишь тот, кому хватит смелости углубиться в чащу. Истина редко блестит, будто зеркало озерных вод под ясным солнцем. Чаще она скрыта в тени, среди прогнивших стволов, под покровом мха, куда доберется лишь тот, кто не побоится преклонить колени и начать копать, пусть даже занятие это сперва покажется ему глупым и бесплодным.

ЛОВЦЫ ДУШ

* * *

Несколько дней я вел образцовую жизнь инквизитора, который гостит у своих собратьев. Вставал на заутреню, возвращался к вечерней молитве, старался ничем не бросаться в глаза и не делать ничего, что могло быть воспринято как необычное или странное. На четвертый день я начал жаловаться на боли и головокружение, на пятый — потерял сознание во время богослужения, и тогда братья-инквизиторы сами заставили меня лечь в лазарет под опеку местного лекаря. Именно таким несложным способом я оказался в обществе страдальца Франца Лютхоффа.

С некоторых пор сны мои изменились. Были времена, когда я засыпал так глубоко, что утром любое воспоминание о ночных кошмарах оставляло по себе лишь слабый след в памяти. Теперь было иначе. Обычно мне снилось, что она садится рядом и кладет на мой разгоряченный лоб прохладную руку. Она всегда улыбалась, и я всегда видел в ее взгляде чистую, ничем не оскверненную любовь. «Мой рыцарь на белом коне», — шептала она наполовину всерьез, наполовину шутивно. Хотел бы я, чтобы сон сей не заканчивался, но он заканчивался, всегда. Я пробуждался с ужасным отвращением к жизни, которую вел наяву. К жизни, которую она никогда со мной не разделит, не узнает, как я мечтал шептать по утрам ее имя — неслышно, но так, чтобы она ощутила его по движению моих губ на ее губах. Я открывал глаза, и мне казалось, что еще миг-дру-

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

гой вижу перед собой ее лицо. Но потом я понимал, что это всего лишь беленый потолок лазарета.

— Нет. Никогда. Невозможно, — произнес я самому себе. — Разве сны твои, Мордимер, не смогли научить тебя трем этим словам?

Я в силах распоряжаться своей жизнью, но не мог, не могу и никогда не сумею распоряжаться своими снами. Видение, приходившее ко мне едва ли не каждую ночь, было как сон нищего о кошеле, полном золота, мечтой голодного о свежем хлебе, жаждой умирающего в пустыне о воде, которая смочит его пересохшие губы. Видения эти не несли ничего, кроме боли.

Я некогда читал, что перед умирающими в пустыне крестоносцами порой возникали обманчивые миражи голубых озер в тени пальм. Рыцари ползли туда лишь затем, чтобы погрузить ладони в горячий песок и понять: они направлялись к недоступному миражу. Я же успел остановиться, глядя на миражи, поскольку был достаточно мудр, чтобы отличить реальность от марева.

Я хотел позабыть ее голос, ее лицо, ее улыбку. Хотел — Бог мне свидетель! — однако сны не позволяли мне забыть.

И она писала мне. Раз в неделю, раз в десять дней. Я читал эти письма очень внимательно, но ни разу ни на одно не ответил. Знал, что когда-нибудь она перестанет писать. Надеялся, что позабудет обо мне так же, как я желал позабыть о ней. Желал? Правда ли? Да, я и впрямь жаждал, чтобы...

ЛОВЦЫ ДУШ

Рядом со мной кто-то громко и болезненно застонал.

Лютхофф сторал в лихорадке, лицо всё в красных пятнах. Выглядел он еще хуже, чем в тот день, когда меня положили в лазарет. Однако я узнал его с первого взгляда. Мы и вправду учились в Академии Инквизиториума в одно время, и я помнил, что он был тихим, спокойным и внимательным учеником. Никому не мешал и, насколько я знал, ни с кем не подружился.

— Франц! — я взял его за горячую потную руку. — Помнишь меня?

Он повернулся, всматриваясь в меня блестящими глазами.

— Нет, — прошептал. — Кто ты?

— Мордимер Маддердин. Мы вместе учились.

— Мор... .. дин. Да-да... Ты поседел...

Что ж, это, увы, тоже было правдой. В волосах я все чаще находил серебряные нити, и в том не было ничего странного, учитывая хлопоты, которым мне приходилось противостоять чуть ли не каждый день.

— Умираю, знаешь? — прошептал он снова.

— Даже не говори так, — запротестовал я. — Выкарабкаешься, приятель.

Я утешал Лютхоффа, но выглядел он и вправду скверно. Потерял фунтов тридцать, губы растрескались, грудь вздымалась в неровном дыхании. Временами вдох заканчивался с трудом сдерживаемым болезненным спазмом. Я вытер пот с его лба.

— Принести тебе воды? Горячего бульона?

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

Он покачал головой.

— Тянет блевать, — пожаловался плаксиво. —
Что ни проглочу — сразу наружу.

Мне тотчас подумалось, что его либо отравили, либо продолжали травить. Но ведь его опекал медик Инквизиториума, да и сам Айхендорфф должен был следить за состоянием здоровья подчиненного. Если бы его хотел отравить кто-то из Инквизиториума, то, во-первых, сделал бы это быстро и действенно, а во-вторых, наверняка не подпустил бы вашего нижайшего слугу к постели больного. Я не слишком много знаю о ядах (хотя и умею различать большинство популярных разновидностей), однако, полагаю, никто не стал бы так сильно рисковать. И конечно же, сама мысль, будто Инквизиториум хотел отравить одного из своих функционеров, была абсурдной. Мы знали куда лучшие способы избавляться от паршивых овец из нашего стада.

— Вот увидишь, мы еще выпьем за твое здоровье.

Он с трудом усмехнулся.

— Отравили меня, видишь? — сказал и потерял сознание.

Я попытался привести его в чувство, однако Лютхофф на мои усилия не реагировал. Я сразу же отправился на поиски лекаря, искренне надеясь, что его вмешательство возымеет результат — поскольку очень хотел услышать, что скажет Лютхофф. Медик и вправду прибежал без проволочек, но, осмотрев Франца, сделался хмур.

— Не протянет долго, — вынес вердикт. — Я сочту истинным чудом, если он вообще придет в себя. Ему нынче получить бы опеку над духом, а не над телом.

Лекарь был искренне опечален, но мы давно знаем, что люди умеют играть самые разные роли, если только это им на руку. Однако я отчего-то и представить не мог, чтобы этот седой, достойный мужчина, к тому же — лицензированный медик Инквизиториума, травил своего пациента.

— Жаль, что мы так и не узнаем причины этой смерти, — сказал я.

— Ну, даже медицина порой не в силах помочь, — кивнул он, соглашаясь. — И поверьте: и через сто, двести лет в этом деле мало что изменится. Механизм работы человеческого тела столь сложен, что лишь Господь может им управлять. Мы же продолжаем блуждать, словно дети в тумане...

Ну и на том спасибо, что он оказался исключением среди адептов лекарского искусства: большинство его коллег обычно оставались слишком самоуверенны, а смерть пациента пытались объяснять любыми причинами, кроме собственных некомпетентности или незнания.

— Здесь я уже ничем не помогу, — отвернулся он. — Если очнется — позовите...

Я кивнул и придвинул табурет к постели Лютхоффа. Намеревался сидеть над ним сколько потребуется и узнать, чем были слова «отравили меня»: бредом смертельно больного человека, безоснова-

тельным обвинением или все же было в них зерно правды. А если зерно правды там было, Мордимер Маддердин желал его отыскать.

Наконец я заметил, что мой товарищ приходит в себя. Нужно было этим воспользоваться, поскольку я осмеливался думать, что ему осталось мало времени в сей юдоли слез.

— Франц? Франц? Кто тебя отравил, дружище?

Другом моим он не был никогда, но нас единило не только совместное обучение, но и профессия. Кроме того, он умирал, а человек на ложе смерти всегда жаждет иметь подле себя друга.

— Отравил? — повторил он, будто не совсем понимая это слово. — Пить...

Я не подал воды, опасаясь, как бы это не приблизило развязку, лишь смочил его губы. Он же взглянул на меня, и в глазах его, под блеском горячки, я заметил тень тоски за утекающей жизнью.

— Обещали, — прошептал. — Противоядие. Обещали...

Ха, неужто кто-то использовал против Лютхоффа старый способ? Сперва дали яд, а потом, чтобы удержать в покорности, поманили противоядием, угрожая, что, коли не примет его, умрет? С кем бы ни договаривался Франц, его одурачили. Мне, однако, следовало узнать, в чем же было дело и кому служил человек Святого Официума.

— Ты не можешь умереть, дружище, — сказал я ласково.

ЛОВЦЫ ДУШ

«Не можешь умереть, пока не откроешь мне все свои тайны», — добавил я мысленно.

— Священник... — прошептал он. — Приведи священника...

Я заглянул в его глаза и увидел, что они пусты и мертвы. Тело еще жило, сознание работало на остатке сил, но зрачки уже не видели окружающий мир. Я решил использовать это, одновременно испросив у Господа прощения за грех, который совершал против умирающего человека.

— Желаешь исповедоваться, дитя? — я изменил голос, придав ему более грубые нотки и надеясь, что Франц не распознает мистификацию.

— Да, да, да, — прошептал он пылко, хватая меня за руку.

Потом я слушал его исповедь. Долгую, нескладную, прерываемую приступами горячки, слезами, потерей дыхания и памяти. Умер он прежде, чем я успел дать ему отпущение грехов, что я воспринял с некоторым облегчением, поскольку благодаря этому я не впал в грех снова.

Я отошел от его постели и лег на свою. Мне было о чем подумать.

* * *

Смерть Лютхоффа не вызвала особых толков в аквизгранском Инквизиториуме, поскольку всякий тут понимал, что такой исход был вопросом нескольких дней, а то и часов. И что здесь существенен не вопрос «а вдруг?» — но лишь «когда?».

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

Я уже нашел все, что искал, однако не мог чудесным образом исцелиться. Инквизиторы всегда были людьми понятливыми и подозрительными, мне же их понятливость и сметливость испытывать не хотелось. К тому же, лежа в лазарете, я мог не вставать к молебнам, меня хорошо кормили и приносили книги из библиотеки. Можно было сказать, что я неплохо проводил время, если б не память о признаниях умирающего Лютхоффа. И не понимание, что именно я должен с этими признаниями делать.

Наконец я решил, что пора потихоньку выздоравливать. На третий день по смерти моего товарища я принял участие в мессе и поужинал в общей трапезной, на четвертый день лекарь сказал, что я теперь не нуждаюсь в его опеке, и я вернулся в комнату, в которой ранее поселился. На пятый день я встретился в городе с Хайнцом Риттером.

— Не хотели меня к вам пускать, — пожаловался тот, едва меня увидев. — Мол, устав им запрещает, — и в голосе его я услышал отчетливое презрение к столь глупому уставу. — А я хотел передать вам бутылочку, чтобы было не так тоскливо.

— Может, гостей именно поэтому и не впускают к больным, — усмехнулся я.

— Значит, теперь — самое время пойти и выпить, — произнес он решительно.

— Легче, легче, я ведь едва воздвигся с одра болезни, — поумерил я его пыл. — Но у меня к вам просьба...

— Какая же?

ЛОВЦЫ ДУШ

— В Аквизгране есть заведение, где содержат безумцев. Верно?

— Верно.

— Знаете, где оно?

— Неужели вы настолько любопытны, что жаждете увидеть дом для скорбных духом? — спросил Риттер.

— Кое-кто просил меня проверить, не заперт ли там его родственник, — соврал я.

— Молитесь, чтобы нет, — фыркнул драматург. — Ибо даже если вошел он туда нормальным, наверняка таким же оттуда не выйдет.

— Хм, — только и пробормотал я.

— Некогда я видел такой дом при монастыре иоаннитов, — сказал Риттер. — И монахи, следует признать, хорошо опекали больных. Но здесь... — он махнул рукой.

— И откуда вы знаете?

— Был у меня, так сказать, случай убедиться... — он будто бы слегка смешался, но сразу же вернул себе уверенность. — Я писал драму, в которой появляется скорбный разумом, — пояснил. — И я захотел собственными глазами увидеть, как они держат себя, что говорят, понимаете: гримасы, ужимки, все...

— И? Оказались довольны?

Он вздрогнул.

— Хватит о том. Сами увидите, что да как.

— А кто содержит сей дом, если уж не монахи?

Он взглянул на меня задумчиво:

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Знаете, мне даже в голову не пришло спросить... Но если богачи строят воспитательные дома для сирот, отчего бы кому-то не строить дома для умалишенных?

— Наверняка вы правы, — ответил я.

— Ну и желания у вас в столь прекрасный день, — пожаловался Риттер, когда мы уже протискивались сквозь уличную толпу. — Нет чтобы пойти выпить, поболтать, попеть — а то и проведать милую девицу, — а вам захотелось поглядеть на безумцев.

— Бывает и так, — сказал я и мимоходом сломал палец воришке, который пытался залезть мне за пояс.

Риттер услышал крик, обернулся, но ничего не заметил. Мы пошли дальше.

— Это в старом винном складе, — он повысил голос, перекрикивая толпу.

Мне это ничего не говорило, поскольку я слабо знал Аквизгран, но решил, что поэт доведет нас куда нужно.

Наконец мы добрались до места. Было оно окружено деревянным забором, а посередине стоял деревянный же барак.

— Что-то маловат, — сказал я.

— Самое оно — в подвалах, — пояснил Риттер. — Я ведь говорил, что там был склад вина. А где держать вино, как не в подвалах?

Двери в барак были отворены. Подле, на уложенных на козлах досках, сидели двое заросших мужчин в грязных, рваных кафтанах.

ЛОВЦЫ ДУШ

— Чего вам? — спросил один недоброжелательно.

— До меня дошли слухи, что среди пациентов есть родственник моего знакомого. Я хотел бы осмотреть их камеры.

Я вытащил трехкрановую монету и кинул на стол. Мужчина весьма ловко поймал ее.

— Отчего бы и нет? — буркнул он и поднялся. — Ну, пойдёмте... господа, — добавил уже более миролюбиво.

Отворил дверь, что вела в темную прихожую. Я увидал идущие вниз отвесные ступени.

— Если найду у вас пациента, которого знаю, сложно ли будет его забрать? — спросил я его.

— Необходимо согласие семьи. Разве что семьи не найдется. Тогда забирайте своего приятеля или родственника, абы только помогли нам каким-никаким грошиком.

Он зазвенел ключами и принялся трудиться над тугим замком. Двери были солидные. Деревянные, но укрепленные железными полосами.

— И много у вас таких людей? Без семьи, без друзей? Неизвестно откуда взявшихся?

Он помолчал, но не потому, что не хотел отвечать, — а, как видно, пытаясь уразуметь мои слова. И я знал, что он постарается быть полезным, поскольку полагал, что у моей серебряной монеты в кошеле есть сестричка, которая также может к нему попасть.

— Много, — ответил он наконец.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Слышал, что альмосунартии вам частенько помогают...

— Ага, — оживился стражник. — Ото забрали как-то троих, чтобы их вылечить.

— Удалось?

— Да откуда знаю? — пожал он плечами.

Я заметил, что Риттер внимательно за мной наблюдает. Интересно, понял ли он уже, что мы пришли сюда вовсе не для того, чтобы искать родственника моего приятеля?

Мы спустились в подвал, и первое, что я почувствовал, был отвратительный смрад. А сразу после этого — услышал крики, поскольку безумцы поняли, что кто-то явился в их мир. Я шел коридором, вдоль зарешеченных каморок, а стражник услужливо присвечивал мне факелом.

Риттер был прав, когда вздрагивал от одного воспоминания об увиденном в доме умалишенных. Эти люди были словно звери. Грязные, порой нагие и израненные, воюющие, дергающие за решетки. Какой-то мужчина бился лбом о каменный пол, другой сидел посреди каморки и, воздев лицо к потолку, безнадежно и непрерывно выл. Обнаженная женщина прижималась к металлическим прутьям и звала: «Возьми меня, возьми меня, возьми». Кто-то стоял на четвереньках и жрал из щербатой миски объедки, а увидев нас, начал ворчать, как пес: сердитым злым клекотом, что зарождался в глубине глотки.

ЛОВЦЫ ДУШ

Внезапно, когда мы проходили мимо одной из камер, к решетке припал старичок с исхудалым лицом и залепленной грязью бородой.

— Милостивый государь! — позвал он совершенно нормальным голосом. — Если позволите на одно словечко...

Я задержался.

— Я здесь по ошибке, — произнес он жалобно. — Прошу вас вытащить меня отсюда.

Я поглядел на стражника. Тот усмехнулся в усы.

— На улицах столько безбожных женщин, Роберт, — сказал. — Смеются над мужчинами, жаждут с ними прелюбодействовать, раздвигают перед ними ноги...

— Убью их всех! — голос старика настолько изменился, что я не смог бы его узнать. Теперь он был преисполнен отвращением, яростью и ненавистью. — Порежу их грешные тела, выпущу кишки, распну их живьем... — поток слов сменился клеветом.

Старик дергал за решетку, а в глазах его теперь было лишь безумие.

— Убил несколько девок, — пояснил стражник. — Но он — двоюродный брат одного из городских советников, оттого его не казнили, а заперли здесь...

Мы добрались до конца коридора.

— Нашли, господин, кого искали?

Я покачал головой:

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Увы. Можем уходить.

Когда он затворял укрепленную железом дверь, я решил вернуться к предыдущим вопросам.

— Те альмосунартии, о которых ты говорил. Они приходят, забирают — и все?

— Нет, господин. Указывают, кто им нужен, и тогда нужно его умыть, переодеть, — а забирают вечером.

Я вынул из-за пазухи золотой дублон, одну из монет, полученных от Зарембы, и покрутил в пальцах. Золото блеснуло в свете факела, а жажда заполучить его засияла в глазах стоявшего рядом мужчины.

— Когда появятся, чтобы кого-то забрать, ты сразу же дашь мне знать, — приказал я. — И тогда получишь вторую такую же. Отправишь весточку в «Императорские Удобства» — для мастера Риттера. Понял?

— Разумеется, господин, — ощерился охранник в довольной ухмылке.

«Императорские Удобства» были гостиницей, в которой поселился Риттер, и вопреки названию не являлись заведением, предоставлявшим услуги наивысшего качества.

— Возможно, тебе пришло в голову рассказать кому-то о нашем маленьком договоре. Не делай этого. — Он даже не приметил кинжал, пока тот не уперся ему в подбрюшье. — Кроме золота, у меня найдется и железо... — и при слове «железо», я нажал чуть посильнее.

ЛОВЦЫ ДУШ

Он яростно дернулся, но взглянул в мои глаза — и ярость угасла. Ей на смену пришел страх. Был он выше меня, пошире в плечах, но я знал, что ему и в голову не придет сопротивляться.

— Ничего, ничего, ничего не скажу, господин, — зашептал он, и я понадеялся, что именно так и будет.

— Хочу знать, во что вы меня втягиваете, — недовольно зашипел Риттер, когда мы покинули заведение и вышли на улицу.

— Злость делает тебя некрасивым, Хайнц.

Он фыркнул:

— Ответите?

— Нет, — сказал я попросту. — Но если можете мне — и вам что-нибудь перепадет.

— С вами одни проблемы, — буркнул Риттер, но потом глянул на меня чуть более приязненно. — Когда говорите «перепадет», то о какой конкретно сумме идет речь?

Я похлопал его по плечу.

— Наверняка побольше, чем получил тот шаромыжник, — ответил я, имея в виду охранника умалишенных.

— И насколько больше?

— Не пожалеете, — пообещал я, и этого должно было ему хватить. — Только и того, что в ближайшие дни вам не следует покидать гостиницу. И пусть это вот скрасит ваше ожидание, — я вручил ему дублон. — Не подведите меня, Хайнц, — сказал серьезно. — Не пейте, не